

**Узбекистонда
ижтимоий
фанлар**

**7
1976**

О **бщественные
науки
в Узбекистане**

фан

рилось: «...Прошу ваше сиятельство отправить с ним (т. е. Ирназар-бием) для провождения его и честного в пути порядка верного и надежного человека до самых турецких границ, чем обяжете меня».

Изучение архивных материалов показывает, что посольство И. Максютова было встречено и содержалось в России с уважением и вниманием, и при отъезде посла в Турцию были выполнены все просьбы Даниял-бия¹¹.

В исторической литературе принято считать, что посольские связи среднеазиатских ханств, в частности Бухарского, с Россией служили исключительно развитию торговли между этими государствами. Безусловно, развитие торговли было главным мотивом русско-бухарских отношений. Но не единственным. И в этом плане характерно второе посольство Ирназара Максютова, которое формально не имело никаких предложений или просьб к русскому правительству об организации торговли. Вряд ли правители Бухары стали бы отправлять посольство только для решения вопроса об удовлетворении претензий купцов, ограбленных в «смутное время», и о проезде бухарцев в Мекку. Тем более, что по первому пункту еще в 1774 г. бухарское посольство получило ясный отрицательный ответ.

Таким образом, можно полагать, что главной целью специального посольства было извещение царского правительства о желании Бухары упрочить дружественные связи с Турцией. В Бухаре знали, что Россия в недавнем прошлом находилась в состоянии войны с Османской империей, а в описываемое время у них мог возникнуть новый военный конфликт.

Даниял-бий, несомненно, понимал, что его намерение идет вразрез с интересами России. Ясно было и то, что правительство Екатерины II в случае возможной войны с Портой не хотело бы иметь врагом также Бухарское ханство. Возможно, что этим сообщением Бухара надеялась получить какие-либо экономические или политические выгоды.

Все эти вопросы не могли не интересовать правительство России, и в 1780 г. в Бухару был отправлен переводчик Бекчурин. Наряду с выяснением возможностей расширения русско-бухарской торговли, он должен был собрать различные сведения разведывательного характера. В частности, о бухарском после он сообщил следующее: «3, 4 января Мендияр Бекчурин всячески старался испытать о причине отправления Ирназара Максютова через Российские границы в Царьград, и для чего прямых от себя через Персию трактом его не отправили. К счастью его, нашел случай познакомиться с Ирназаровым зятем Ходжою, который человек благосклонный сделался ему откровенным, между разговорами объявил, что Ирназар поехал к Турецкому двору под видом богомолья, а в самом деле побудило следующее: из числа бухарских жителей один нашел случай пробраться в Царьград на богомолье и там призван был к Турецкому двору для отобрания известия о состоянии Бухары, и как все их пребывание пересказал, то назад тому два года сей бухарец прислан был от Турецкого двора с одним армянином к бухарскому их хану с письмами такими, чтобы прислать туда для некоторых ему, Ходже, неизвестных советов означенного Ирназара, с которым де турецкий посланник в бытность по замирении турок с Россией в Москве виделся, почему он туда и отправлен»¹².

Все это указывает на особую важность второй миссии Ирназара Максютова. Изучение связанных с нею документов проливает дополнительный свет на состояние русско-бухарских связей в конце XVIII в. и отношений этих стран с Турцией. Указанные архивные материалы представляют интерес и вообще для изучения истории дипломатии России и среднеазиатских ханств рассматриваемого периода.

Х. Г. Гулямов

¹¹ АВБР, ф. СРБ, 1779—1780, оп. 109/II, д. 1, л. 14—16.

¹² Там же, 1781, оп. 109/II, д. 10, л. 20.

ПРОШЛОЕ САМАРКАНДСКОГО ДАРГОМА¹

«Река Даргом, которая течет в Судах (=Согде)...»

Бундехеш

Толчок к постановке этого вопроса в печати последний раз был дан организацией дорожного строительства, установившей на автотранспортном пути Самарканд—

¹ Приношу искреннюю благодарность за консультации П. Г. Булгакову, указавшему, в частности, что в словаре «Камусал-мухит», составленном в Египте в середине XIV в. арабским лексикографом ал-Фирузабади, *الوادي* означает долину реки, речное русло, иногда расселину между горами или холмами; *النهر* — река, проток или течение воды; слово «канал» передается обычным термином *القناة*.

Пенджикент близ моста через Даргом указатель, в тексте которого его русло названо «река Даргом». Это вызвало протестующий отклик в журнале «Народы Азии и Африки». Автор помещенной в нем статьи «Даргома» (sic!) археолог Б. Я. Ставский решительно отклонил возможность естественного происхождения Даргома, именуя его искусственным каналом. Высказанное в категорических тонах заключение покоится, как ему казалось, на показаниях письменных источников и будто бы подтверждено данными археологич².

Подобную точку зрения за последние более чем сто лет по-разному высказали несколько авторов из числа среднеазиатских краеведов и специалистов, в основном представителей общественных наук. При этом все они находились под влиянием той роли, какую Даргом на протяжении веков играл в экономике как основной источник ирригации и вообще водоснабжения всего Самаркандского района по левобережью Зарафшана. Не ставя своей задачей в кратком очерке полностью изложить историю затронутого вопроса, полагаю достаточным привести лишь некоторые высказывания.

В описаниях долины Зарафшана, составлявшихся в 70—80-х годах прошлого столетия, Даргом сплошь и рядом именуется «огромным арыком»³. Одним из первых авторов, указавших даже время, когда будто бы выкопали «широкий арык Даргом, текущий с быстротою порывчатого потока в отнесно крутых берегах», был допустивший вообще немало путаницы в своих исторических высказываниях писатель В. В. Крестовский. По его словам, это осуществили «с лишком 400 лет тому назад» на средства известного шейха и богача Ходжа Ахрара по повелению хана Абд-ал Азиза⁴. Приводя это как якобы исторически достоверный факт, автор не заметил допущенного им анахронизма: Абд-ал Азиз Шейбанид правил в середине XVI в., а Абд-ал Азиз Аштарханид занимал бухарский престол в 1645—1680 гг., тогда как Ходжа Ахрар жил в XV столетии в государстве Тимуридов.

В. Л. Вяткин, хорошо знавший окрестности Самарканда, упоминал, что «с той и с другой стороны Даргома встречается много старых сухих лож, идущих то параллельно теперешнему течению его, то пересекающих его, а в среднем течении значительно уклоняющихся на запад и захватывающих сравнительно больший, чем ныне, район земель». Не опознав их подлинного происхождения, автор, отдавая дань укрепившейся в обиходе тенденции, считал Даргом «старым арыком» и «главным оросительным каналом» для Шаудорского и Старо-Анхорского туманов «с эпохи Тимуридов», который «не один раз менял свое ложе в мягком лёссовом грунте»⁵.

В. В. Бартольд, который уделил больше всего внимания Даргому в своем труде по истории орошения Туркестана, признавал его «самым северным из трех арыков», выведенных по левобережью Зарафшана после того, как тот вышел из гор в долину⁶.

При изысканиях по водоснабжению Самарканда в 1924—1928 гг. геолог П. И. Бутов продолжал считать Даргом наиболее крупным и древним арыком Самарканда, но уже отмечал, что он ничем не отличается от естественного тока⁷.

В 30-х годах археолог Г. В. Григорьев высказал мысль, что до того, как Даргомский канал был создан руками человека, более многоводные, чем теперь, сая с открытых тогда лесом Агальских гор доносили свои воды до Зарафшана. По мнению автора, вода до Самарканда поступала в то время по руслу крупного сая Яманджар, отрезком которого к северу от Даргома до Талибарзу он считал лож, носящий название Раванаксай. От Талибарзу до городища Афрасиаб вода сая Яманджар, по словам Г. В. Григорьева, текла по современному Обимашаду, впадающему в Снаб⁸. Эти положения разделял и археолог Самаркандского краеведческого музея, мой ученик И. А. Сухарева. Арыком считал Даргом также археолог А. И. Тереножкин⁹. А. Ю. Яку-

² Б. Я. Ставский. Даргома (sic!) и два этапа в истории орошения Самарканда, журн. «Народы Азии и Африки», М., 1969, № 22, стр. 147—149.

³ А. П. Хорошкин. Долина Зеравшана. Расписание арыков. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края, СПб., 1876, стр. 177; Г. А. Арандаренко. Досуги в Туркестане, СПб., 1889, стр. 270, и др.

⁴ В. В. Крестовский. В гостях у эмира Бухарского, СПб., 1887, стр. 77.

⁵ В. Л. Вяткин. Материалы к исторической географии Самаркандского виаяста, Справочная книжка Самаркандской области, вып. VII, Самарканд, 1902, стр. 29.

⁶ В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана, П., 1914, стр. 102; Сочинения, III, М., 1965, стр. 187.

⁷ П. И. Бутов. К вопросу о водоснабжении г. Самарканда, Труды Всесоюзного геолого-разведочного объединения ВСНХ СССР, вып. 169, М.—Л., 1932, стр. 11.

⁸ Г. В. Григорьев. Поселения Согда (По данным исследования городищ Самаркандского района), Краткие сообщения Института истории материальной культуры, вып. VI, Л., 1948, стр. 24—25, и ряд предшествующих публикаций того же автора.

⁹ А. И. Тереножкин. Согд и Чач (автореферат кандидатской диссертации), Краткие сообщения Института истории материальной культуры, вып. XXXIII, М.—Л., 1950, стр. 157.

бовский, разделяя точку зрения об искусственном происхождении русла Даргома, полагал, что создание всей даргомской оросительной системы произошло или в античности, но не позднее I в. н. э., или же во второй половине VI — начале VII в., т. е. в пору раннего феодализма¹⁰.

Во второй половине 50-х годов Институт истории и археологии АН УзССР учредил археологическую экспедицию по изучению следов прошлой жизни на территории Согда, в задачи которой входило и выяснение истории ирригации, в частности обследование Даргома¹¹, а priori признавшегося «крупнейшим магистральным каналом левобережья Зеравшана». Руководитель экспедиции Я. Г. Гулямов еще в период своих занятий историей орошения Хорезма высказался в том смысле, что нет оснований утверждать, будто город Мараканда орошался водой какого-либо канала, вроде Даргома, а что до установления кушанского владычества (очевидно, предполагавшегося над Согдом) водоснабжение Афрасиаба, вероятно, базировалось на реке Сиаб и родниках¹² (хотя в письменных источниках говорится о колодцах. — М. М.). Участник экспедиции археолог В. Д. Жуков после ознакомления с местностью по обоим обрывистым берегам Даргома пришел к заключению, что ирригация Придаргомской степи находилась в заброшенном состоянии в IV—V вв. Вместе с тем он наметил три последовательных этапа в сооружении Даргома. Сперва, по его мнению, была проведена средняя часть канала на участке примерно от селения Джума-базар до кярiza Кафир-мури и дальше по старому руслу Иски-Анхора. Затем на Зарафшане построили плотину головного сооружения и провели русло верхней части канала. На третьем этапе соорудили кяриз Кафир-мури, в связи с чем произошли изменения в нижней части течения Даргома¹³.

В 1967 г. археологический отряд Института истории и археологии АН УзССР в составе двух старших и нескольких младших научных сотрудников провел специальные исследования в верхней части даргомской ирригационной сети для точного выяснения времени строительства Даргома. В результате группа пришла к выводу, будто бы эта «главнейшая водная артерия левобережной части Самаркандского оазиса была построена примерно 2000 лет назад». Основанный же за несколько веков до того Самарканд, находившийся на месте городища Афрасиаб, по предположению А. Р. Мухамеджанова, получал воду из Навадона и Обимашада. При этом делается ссылка на ошибочно причисленного к «средневековым авторам» Абу Тахира Ходжа, в действительности писавшего свой труд о Самарканде в 30-х годах XIX столетия. В тексте подлинника Абу Тахира соответствующая фраза звучит так: «Некоторые того мнения, что Навадон тот самый источник (چشمه), на котором построился (легендарный. — М. М.) Самар». Наряду с этим А. Р. Мухамеджанов признает правоту утверждения, что первоначально Афрасиаб не имел искусственного орошения, а его водоснабжение базировалось на реке Сиаб и родниках¹⁴.

Из сказанного ясно, почему Б. Я. Ставиский уже в 1957 г. вслед за другими мог признавать Даргом крупным искусственным каналом¹⁵. Два года спустя после опубликования приведенных А. Р. Мухамеджановым данных появилась в печати упомянутая в самом начале статья Б. Я. Ставиского, где он намечает два этапа «в истории орошения Самарканды». На первом, древнейшем из них, от отрогов Зарафшанского хребта через Придаргомскую степь к Зарафшану тянулись редкие пепельки сельскохозяйственных усадеб и сделанных земель, орошавшихся водами горных саев и ручьев. Это продолжалось якобы до сооружения гигантского канала Даргом, каковое приходится, по расчетам автора, на конец III—IV в. (т. е. на пору крупного экономического, политического и социального кризиса. — М. М.), после чего наступает второй этап. Б. Я. Ставиский, правда, оговаривается, что окончательное решение данного вопроса «станет возможным после проведения специальных археологических, а возможно и геоморфологических исследований» (стр. 198).

Вместе с тем, опираясь на признаваемую им непреложность прокопки русла Даргома и надуманную дату этого как безусловную, поскольку «и о х же, что зам-

¹⁰ А. Ю. Якубовский. Вопросы изучения пенджикентской живописи, Живопись древнего Пенджикента, М., 1954, стр. 14.

¹¹ В. Д. Жуков. К вопросу изучения истории Даргома, Известия Академии наук УзССР. Серия общественных наук, Ташкент, 1958, № 4, стр. 55.

¹² Я. Гулямов. История орошения Хорезма, Ташкент, 1957, стр. 106.

¹³ В. Д. Жуков. Указ. статья, стр. 55—56.

¹⁴ А. Р. Мухамеджанов. К вопросу о водоснабжении Афрасиаба, Сборник Афрасиабской комплексной археологической экспедиции, вып. I, Ташкент, 1969, стр. 294, 296 и 297; его же. Из истории водоснабжения Самарканды, Объединенная научная сессия, посвященная 2500-летию Самарканды. Тезисы докладов, Ташкент, 1969, стр. 26: «На рубеже нашей эры был прорыт магистральный канал Даргом».

¹⁵ Б. Я. Ставиский. Археологические исследования на городище Варахша и в Бухарском оазисе в 1947—1953 гг., Советская археология, 1957, № 4, стр. 231.

ледельческое население Придаргомской степи к концу IV — началу V вв. уже передвинулось к северу на земли Самаркандского оазиса» (там же), автор в конце своей заметки ставит в связи с этим разрешение ряда крупных проблем из истории и культуры Средней Азии. Б. Я. Ставский базируется в основном на том, что приводимые им столетия предполагаемого сооружения Даргома оказываются будто бы близкими ко времени возникновения наружного кольца мощных стен городища Афрасиаба. Однако последнее положение, в свою очередь, опирается на ошибочную, сильно замолоченную датировку афрасиабских стен шахристана, предложенную обследовавшим их М. К. Пачосом и никем не разделяемую¹⁶. С тем же моментом предполагаемого проведения Даргома Б. Я. Ставский связывает раннее освоение сельскохозяйственного района в низовьях Зарафшана, к западу от современного Бухарского оазиса. В заключение говорится, будто решение вопроса о времени сооружения Даргома имеет значение и для освещения проблемы «кризиса рабовладельческой формации в Средней Азии» (стр. 149).

В примечании третьем на стр. 147 Б. Я. Ставский утверждает, будто результаты работ (а иногда просто высказывания) Г. В. Григорьева, И. А. Сухарева, А. И. Тереножкина, В. Д. Жукова, С. К. Кабанова (последнего об Иски-Анхоре) «остались неизвестными исследователям Средней Азии», в чем он глубоко заблуждался.

Неубедительность ставшей традиционной гипотезы об искусственном происхождении Даргома объясняется рядом моментов. Это не только дань закрепившемуся в печати представлению, поддерживанному иногда высказываниями достаточно авторитетных лиц. Нельзя недоучитывать, что до сих пор по существу никто не занимался историей Даргома в широком, комплексном аспекте с использованием максимального количества данных разнообразных письменных источников, с одновременным привлечением специалистов разных профилей, в том числе этнографов, для опроса стариков из коренного населения, не говоря уже о геологах, гидрогеологах, востоковедах-лингвистах.

Прежде всего заслуживает внимания историков-лингвистов самое название «Даргом» (درغام) или «Даргам» (درغم), а по намеченной М. А. Салье в 1958 г. транскрипции (без всякой аргументации и лишь в одном месте) — «Дар-и Гам»¹⁷.

Тем же специалистам надлежит продумать, прав ли В. Томашек, сопоставивший это наименование с бактрийским «darogha» в значении «длинный», что вообще вполне приложимо к самаркандскому Даргому. К 70-м годам XIX в. общее его протяжение, от выхода из Зарафшана до конца орошавшихся его водой земель, а также сброса ее остатков в южных рукав этой реки (Карадарья) определялось в 70 с лишним верст.

По-видимому, слово «Даргом» в свое время было не только собственным наименованием, но служило неким определяющим термином, пользовавшимся в Средней Азии более широким распространением даже за пределами Мавераннахра. Так, на территории нынешнего Афганского Туркестана, в пределах современного округа Кундуз, средневековые авторы упоминают «реку Даргом» (رود درغام), о которой

в «Худуд ал-алем» говорится следующее: «Имеются другие две реки. Одна, большая из них, именуется Руд-и Даргом. Она вытекает из пределов Тохаристана, соединяется в одну и, протекая между Вэлзалиджем и Хульмом, впадает в Джейхун»¹⁸. Сближенно в zendской транскрипции название «Дарега», относимое в «Айрианам-ваеджо» к родине Зороастра, усматривать передачу наименования третьего Даргома. И в этом случае решающее слово опять же за лингвистами-иранистами.

В свое время В. В. Бартольд был не совсем точен, когда писал, что название «Даргом» было присвоено рассматриваемому нами объекту еще в средние века¹⁹. Уже в сборнике мифических и религиозных сказаний «Бундехеш», одной из священных книг парсов времени Сасанидов, излагающей содержание несохранившихся частей Авесты, река Даргом, «которая течет в Судах» (= в Согде; т. е. Самаркандский Даргом), является предметом восхваления.

¹⁶ М. К. Пачос. Оборонительные сооружения Афрасиаба. Автореферат кандидатской диссертации, Ташкент, 1966, стр. 16; его же. К изучению стен городища Афрасиаб, Советская археология, М., 1967, № 1, стр. 60—73. Разбор ошибочных положений М. К. Пачоса см.: М. Е. Массон. По поводу далекого прошлого Самарканда, Из истории искусства великого города, Ташкент, 1972, стр. 8—9, 22, 32 и 34.

¹⁷ Бабур-наме. Пер. М. Салье, Ташкент, 1958, стр. 517.

¹⁸ Худуд ал-алем. Рукопись Туманского, Л., 1930, стр. 9а. Ср. с текстом труда Ибн Хордадбека (BGA, VI, Lugduni Batavorum, 1866, стр. 33), где приведена явно допущенная переписчиком неверная транскрипция نهر الزرغام. Тохаристанская река Даргом отождествляется некоторыми специалистами с рекой Ак-сарай.

См. «Материалы по истории туркмен и Туркмени», I, М.—Л., 1939, стр. 145, примечание 3 со ссылкой на Маркварта, Ergänz. hr., ss. 229—231.

¹⁹ В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана. Указ. соч., стр. 187.

Проживавший в Александрии в первой половине II в. Клавдий Птолемей, описывая Бактриану, упомянул в числе протекающих через нее рек тамошний Даргом, название которого дошло до нас в нескольких транскрипциях: Даргоман, Даргаман (*Δαργομανης, Δαργομανης*) и в сильно искаженной форме — *Δαρβοιβοξ*. В числе подробностей греческий автор приводит, что Даргом и Ох, соединившись, затем впадают в Окс, т. е. в Амударью. Видимо, Птолемей из какого-то источника или от случайного осведомителя узнал, что около хорошо известного ему города Мараканда (Самарканд), о котором у него приведены достаточно точные для своего времени географические координаты, протекал Даргом. Столкнувшись с мнимым «противоречием» в виде одновременного наличия двух Даргомов, он в своем географическом труде, как это отмечал уже В. Томашек, допустил путаницу, отдав предпочтение Бактрии перед Согдом и поместив согдийский город Мараканду на берегу Бактрийского Даргома²⁰.

Очень возможно, что уже в пору рабовладельческого общества меняющийся базис эрозии требовал сооружения плотины для подъема воды из Зарафшана в Даргом, текший по некогда уже разработанному одному из ближайших русел Зарафшана. Была ли она сооружена, и если да, то как близко сделали ее к средневековому пункту Варасер (*ورعسر*) = «голова плотины», смогут выяснить только будущие археолого-топографические изыскания. Средневековому же Варасеру, находившемуся в четырех фарсах от Самарканда, соответствует современное селение Раватходжа.

Название Варасер, кроме самой плотины, носили урочище и местность около нее, расположенный рядом хорошо укрепленный населенный пункт и первый придаргомский рустак, граничивший на западе с Маймургом. Нет сомнения, что даргомская система водоснабжения функционировала до арабского завоевания. Абу Саид ал-Идриси называл Варасер самым многлюдным из всех шаудорских касаб, а население его исчислял в 40 000 человек, которое якобы обратилось в мусульманство еще до принятия ислама жителями Самарканда²¹. По Табари, в процессе постепенного покорения арабами часто восставших в VIII в. согдийцев наместники Хорасана Саид Хазейна (720—721), Асад ибн Абдуллах (в середине 30-х годов VIII в.) и следовавший за ним Наср ибн Сайяр (в 739 г.) пытались мероприятиями у головы Даргома лишить Самарканд варасерской воды и тем принудить самаркандцев к покорности²².

В выдержках из средневековой истории Самарканда Абу Саида ал-Идриси, переведенной в XII в. дополнению, переводу с арабского на персидский, а затем и сокращению, в так называемой «Кандия малой» Мухаммеда Абу Джалила ал-Самарканди, Даргом как таковой не упоминается. Говорится лишь, что вода, поступавшая из Варасера, образует четыре канала, а по достижении городских ворот Самарканда был устроен канал с двумя отводами, откуда она направлялась в самаркандские «хатяты»²³, т. е. окруженные заборами поля, сады и другие пригородные участки.

Для первой половины X в. некоторые подробности о Варасере как пункте, с которым связано водопользование обитателей Самаркандского района, заключены в известном труде арабского географа Абу Исхака Ибрахима ал-Истахри. Он пишет:

«Все их (=самаркандцев) воды из «Вади ас Согда»²⁴. Русло этой реки (الوادی) начинается с гор Буттем... У Варасера (из него) берут начало анхоры: нахр Барш (برش) нахр Бормиш (بارمش), нахр Башмин (بشمين). Нахр Барш тянется вдоль Самарканда; от него отходят анхоры меина (=шахрстан) у стен

²⁰ Claudii Ptolomaei Geographia, Essendiae, книга шестая, глава 11; С. А. Вязигин. Сведения Клавдия Птолемея по географии Туркменистана, Известия Туркменского филиала Академии наук СССР, Ашхабад, 1946, № 1, стр. 9. То же, без ссылки на В. Томашека и С. А. Вязигина, приведено у Г. Гумбаха (ФРГ) в докладе (1968 г.) в Самарканде «Птолемей и Центральная Азия в Кушанскую эпоху», Труды Международной конференции по истории, археологии и культуре Центральной Азии в Кушанскую эпоху, т. II, М., 1975, стр. 72—73.

²¹ Кандия малая, перевод В. Л. Вяткина, Справочная книжка Самаркандской области, вып. VIII, Самарканд, 1906, стр. 259.

²² Табари, т. II, 1431, 1586 и 1689; В. В. Бартольд. Туркестан..., Соч., т. I, стр. 134 и 249; подробно см.: Т. Кадырова. Из истории крестьянских восстаний в Мавераннахре и Хорасане в VIII—начале IX вв., Ташкент, 1965, стр. 53, 72, 99 и 104.

²³ Кандия малая. Указ. соч., стр. 252.

²⁴ Правильнее وادی السغد = «река Сугда», известная в местном произношении как دريای کوهک = «дарья Горки» (возвышенности над Самаркандом) и только в последний столетии фигурирующая в литературных источниках под названием نهر زرفشان = «Золотоносный нахр».

города и селений, лежащих вдоль него от начала до конца. Нахр Бормиш находится к югу от этого нахра и вдоль него от начала и до конца на расстоянии около одного перехода (=мархаля) расположены селения. Нахр Башмин берет начало у Бормиша с южной стороны и от начала до конца орошает многочисленные селения, только кончается он раньше тех двух нахров. Самый большой из этих анхоров Барш, затем Бормиш... И от этих анхоров ответвляются анхоры, число которых очень велико»²⁵.

В. В. Бартольд, базируясь на показании Истахри, что орошаемое пространство культурных земель от Варасера до конца рустака, известного в X в. под названием Даргом, имеет в длину до 10 фарсахов, совершенно правильно отождествил Барш с руслом Даргома. Вместе с тем фраза того же автора в отношении Барша и Бормиша *وهما سحلان السفن*, которую В. В. Бартольд воспринял как свидетельствующую о судоходстве на обоих, вызвала у него определенные сомнения. Принимая во внимание свидетельство Макидси, что в X в. настоящее судоходство было возможно только по Амударье и Сырдарье²⁶, В. В. Бартольд допускал лишь вероятный тогда сплав по Баршу и Бормишу. Думается, что приведенную фразу следует понимать не в смысле судоходства вообще, а только в смысле возможного использования лодок. Мне самому в 1913 г. приходилось плавать в средней части Даргома на небольшой плоскодонной лодке до острова за мостом на Агалькской дороге, причем из-за быстроты течения идти на веслах против него было исключительно трудно.

Для лучшего уяснения текста всего приводимого отрывка неплохо бы привлечь разных специалистов, чтобы попытаться выяснить, что следует подразумевать в нем под арабским термином «нахр» (النهر, иногда التهر «ал-нахар»). Основное его значение — «река» — с эпохи вторжения арабов в Среднюю Азию прочно вошло в употребление с географическим термином «Мавераннахр» (ماوراء النهر — в смысле «страна за рекой») для обозначения части Тохаристана по правобережью Амударьи и нескольких областей далее. Однако и в этом значении он разделил судьбу местного иранского термина «руд» (رود — река), который, по свидетельству автора сочинения X в. «Худуд ал-алем», одновременно применяли для обозначения двух групп объектов: естественных рек (رود طبيعي) и искусственных (رود صناعي)²⁷. Ибн Хаукаль

называет «рекой Согда» (نهر السغد) самаркандский Сиаб, берущий начало из многих бьющих из земли ключей и веками разработавший их водами свое русло, пролежавшее между шахристаном и рабадом²⁸. Истахри тот же термин прилагает к некогда доставлявшему на городище Афрасиаба воду и пропущенному по большой дамбе искусственному крупному потоку Арзис, который он именует «Нахр из свинца» (نهر من رصاص).

Пытаясь разобраться в употреблявшихся в Средней Азии местных и арабских ирригационных терминах, В. В. Бартольд в 1914 г. пришел к выводу, что надо понимать «нахр (мн. число анхар) в значении «река» или «проток», как естественный, так и искусственный»²⁹. В конце XIX столетия он же, пересказывая содержание приведенного выше отрывка из текста Истахри, при передаче слов «нахр» и «анхар» употреб-

²⁵ ابى اسحق ابراهيم بن محمد الفارسي الاضطري ذالمسالک ۱۷۸ — ۱۷۹. Соответствующий текст в труде Ибн Хаукаля заимствован этим автором у Истахри без особых изменений, лишь с немногими дополнениями. См.: Ибн Хаукаль, كتاب المسالك و الممالك BGA, v. II, Lugduni Batavorum, 1873, стр. ۳۶۸ — ۳۶۹.

²⁶ Макидси. كتاب حسن التقاسيم فى معرفة الاقاليم BGA, v. III. Lugduni Batavorum, 1906, стр. ۳۲۳.

²⁷ Худуд ал-алем... Указ. соч., стр. 86. Может быть, под رود صناعي понимались и такие в основе естественные потоки, которые в процессе эксплуатации их человеком в качестве каналов были снабжены головными сооружениями, запрудами, а кое-где прокопанными участками их русла.

²⁸ Ибн Хаукаль. BGA, v. II, ۳۶۶.

²⁹ В. В. Бартольд. К истории орошения... Указ. соч., стр. 27.

лял большее количество русских терминов, иногда удачнее отражавших подлинное положение. Например, у Варагсера «река разветвлялась на несколько рукавов». Барш и Бормиш он именовал самыми большими протоками. Наряду с этим у него встречались определения их как «арыки» и «каналы»³⁰.

Применение Истахри и Ибн Хаукалем термина «нахр» к Даргому, протекающему по одному из бывших блуждающих русел Зарафшана, дает основание вспомнить одно из событий, описанных Табари (III, 1326). По его словам, «в начале ислама» арабы при захвате Шаха засыпали тамошний нахр, чем нанесли жителям большой ущерб. Когда в конце правления Мутасима (833—842) население этой области обратилось к нему с ходатайством об отпуске из казны двух миллионов дирхемов для его восстановления, то их просьбу поддержал верховный судья этого халифа Ахмед б. Абу Дуад, и работа была выполнена. Под этим нахром, безусловно, подразумевается теперешний Бозсу, в основе своей являющийся одним из блуждающих русел Чирчика. По-видимому, отмеченное выше Ташкента выпрямление естественных петель бозсуйского русла связано именно с восстановительными работами IX в.³¹

Заслуживает внимания, что самаркандский Даргом в местных сочинениях до середины XIX столетия по литературной традиции именовался как «нахр Даргам» (نهر درغم), берущий начало в Дарья-и Кухак³², и что в названиях некоторых крупных протоков едва ли случайно до сих пор входит слегка искаженный термин «нахр». Например, Улугна(х)р в Фергане или На(х)рпай, берущий начало из Зарафшана между Самаркандом и Каттакурганом и, по-видимому, тоже связанный с одним из блуждающих русел его левобережья.

Что касается арабского слова «анхор» (انهار), представляющего собой форму множественного числа от «нахр», то оно, иногда в виде «иски-анхор» (اسكى انهار — «старый анхор»), вошло в местный широкий обиход как термин единственного числа и даже как собственное наименование для обозначения чаще всего естественных боковых ответвлений от нахров, текших по блуждающим руслам. Таковы, например, Иски-анхор, бравший начало из Даргома юго-западнее Самарканда, или два бозсуйских анхора, протекающих в северной и южных частях бывшего старого Ташкента, причем второй берет начало из протока Бурджар.

Неизвестно, как долго за Даргомом удерживалось официальное название нахр Барш. В широких кругах населения он воспринимался в середине века одновременно как река. Это засвидетельствовано Якутом (1179—1229) в цитируемом в одном из его трудов стихотворении, где Даргом именуется как «вади» (وادی)³³.

В административной топонимике название Даргом при Саманидах и позднее было присвоено четвертому по порядку от Варагсера рустак, самому крайнему, до которого доходила вода этого протока в 10 фарсах (свыше 60 км) от его головного сооружения на Зарафшане. Этот рустак тянулся с востока на запад примерно на протяжении средневекового древнего перехода (مرحلة т. е. несколько менее 40 км) при ширине от 1 до 4 фарсахов. Он превосходил соседние рустак не только по количеству пахотных земель, но и по качеству вывозимого из него винограда. Что касается населенных пунктов, то Самани и Якуб упоминают в нем только селения-кария (قریه)

Кундикет и Хахсар (у Якута — Хахасар). Во всем рустаке не было соборной мечети, что говорит об отсутствии сколько-нибудь крупных населенных пунктов.

В некоторых поздних местных документах упоминается под Самаркандом селение Даргом без указания его точного местонахождения. При составлении в 1921 г. «Исторической карты Самарканда и его окрестностей» я столкнулся к западу от Самарканда, в пределах крупной внешней стены бывшей городской округи и в 1,5 верстах от кишлака Хишрау, с названием Даргомтепа. Его носил окруженный ровом квадратный в плане большой бугор, представлявший собой руины древнего кешка, а около него в

³⁰ В. В. Бартольд. Туркестан..., Сочинения, т. 1, стр. 133—134.

³¹ М. Е. Массон. Прошлое Ташкента, Известия Академии наук УзССР, Ташкент, 1954, № 2, стр. 110; В. А. Крачковская. Арабское письмо на памятниках Средней Азии и Закавказья, Эпиграфика Востока, X, М.—Л., 1955, стр. 41; В. В. Бартольд полагал, что в IX в. в Шаше был вырыт большой канал, ни о названии которого, ни об его направлении сведений не имеется. См. его «К истории орошения...» Указ. соч., стр. 140.

³² Абу-Тахир-оджа. Самария. Таджикский текст, приготовленный к печати Н. И. Веселовским, СПб., 1904, стр. 1.

³³ Якут. Муджам ал-булдан, II, 568; В. В. Бартольд. Туркестан..., Сочинения, т. 1, стр. 144, прим.

микрорельефе угадывались развалины селения. Почему бугор носил это название, окрестное население тогда объяснить не могло.

Одним из заметных исторических событий, связанных с Даргомом в феодальный период, было последствие жестокого поражения, нанесенного в битве при Катване 9 сентября 1141 г. каракитаями и карлуками сельджуцкой армии. Сам Санджар благополучно бежал с поля сражения в Термез, а его беспорядочно отступавшее войско было вынуждено прижато к Даргому. Высокие обрывистые берега последнего, необычайная стремительность течения, глубина, а кое-где значительные по силе водовороты привели к тому, что воды этого потока поглотили большое количество в панике переправлявшихся под натиском врагов воинов Санджара. Считалось, может быть и не без преувеличения, что у Даргома и в нем самом погибло до 10 000 человек, а вся сельджукская армия тогда потеряла якобы до 30 000 человек.

И при монголах, и позднее для правителей Самарканда важно было удержать в своих руках головное сооружение Даргома и находившийся около него населенный пункт, получивший название *Рабат-и ходжа* (*Раватходжа*). Здесь в XV в. по-прежнему была крепость, служившая при Бабуре местом постоянного пребывания военного начальника — друга Шаудорского тумана. Судьба даргомской плотины небезразлична для выяснения истории самого Даргома. Известно, что ее исправляли в 1556 г., в связи с чем в Раватходжу приезжал (и здесь же скончался) тахтешский хан Науруз Ахмед. Восстановилась плотина и в 1753 г. по распоряжению бухарского атакыла Мухаммед Рахима, с 1756 г. родоначальника династии Мангытов. Необходимо по возможности извлечь из письменных источников различные факты, связанные с плотинной Даргома, а археолого-топографическим изучением Раватходжи выяснить прошлое данного пункта детальнее, чем это осуществил в 1967 г. при своей разведке А. Р. Мухамеджанов³⁴.

Авторы, писавшие о Даргоме после монгольского завоевания, упоминают его как основной источник водоснабжения Самаркандского района, часто не могут удержаться, чтобы не назвать его рекой. В этом отношении показателен соответствующий текст в «Записках» Бабура, который сперва отмечает, что от реки Кукак отдели большой канал, «вернее маленькую реку», называемую Даргом, и что она протекает в одном шери (около 4 верст) от Самарканда. А далее он уже буквально пишет, что «сады и пригороды Самарканда, а также некоторые его туманы орошаются этой рекой», т. е. Даргомом³⁵.

Показательно, что топограф русской миссии Яковлев, видевший в 1841 г. под Самаркандом русло Даргома, нанеся его на карту Бухарского ханства, счел уместным в подписи применить термин «проток»³⁶. Как топографу, ему не могли не броситься в глаза крупные размеры Даргома по ширине, его огромная заглубленность, стремительное течение из-за большого наклона русла (нерационального для искусственно проведенного канала) и, наконец, меандрообразный план. Последний никак не может быть оправдан при проведении канала. Бесчисленные изгибы, «петли», повороты на коротких расстояниях, иногда в обратном направлении, удлиняют русло Даргома против прямого направления более чем в два раза. Такое нерациональное выведение их при прокладке канала потребовало бы бессмысленной затраты труда на извлечение вручную лишнего сотен миллионов кубометров земли. Одновременно повысились бы потери воды за счет увеличения площади испарения и инфильтрации.

Все приведенные исторические данные и факты, установленные наблюдениями в натуре, говорят в пользу естественного происхождения Даргома. Длительное формирование его современного ложа началось в предыдущие геологические эпохи. Постепенный сложный пропил лесовых отложений был связан с различными вековыми изменениями базиса эрозии во всей системе Амударьи и Аральского моря. Было время, когда сан с гор Каратау и Ургута питали своей водой Даргом. Сложную предисторию его предстоит установить геологам и гидрогеологам. Только последние этапы этого длительного периода приходятся на время появления здесь земледельческой культуры.

В рамках данной статьи я уже не буду касаться отходящего от Даргома юго-западнее Самарканда русла анхора. По вопросу о переброске в древности зарашанской воды в долину Кашкадарьи у меня есть ряд новых наблюдений, полученных мною в процессе работ Кешской археолого-топографической экспедиции. Этой теме я посвящаю особый раздел в очерке по исторической топографии Анхорского тумана.

Работами ряда археологических экспедиций за советское время установлено, что созданную в Средней Азии за период рабовладельческой формации сложную ирига-

³⁴ А. Р. Мухамеджанов. Даргомская плотина и крепость в Раватходже, История материальной культуры Узбекистана, вып. 9, Ташкент, 1972, стр. 108—114. В работе, между прочим, совсем не отражены постоянно делаемые там при земляных работах находки монет различных эпох.

³⁵ Pavet de Courteille. A Memories of Baber, t. I, Paris, 1871, p. 98; Бабур-наме, пер. М. Салье, Ташкент, 1958, стр. 60/45а и др.

³⁶ Карта Бухарского ханства приложена в конце книги: Н. Ханьков. Описание Бухарского ханства, СПб., 1843.

щонную систему феодальное общество унаследовало в полузаброшенном состоянии и восстановило далеко не полностью. Невольно думается, не могло ли чрезмерно анархичное расширение поливного хозяйства в Самаркандском районе, сопровождавшееся созданием новых каналов в пору расцвета рабовладельческого общества, привести к катастрофической перегрузке головного участка Даргома и тем углубить тяжелые экологические последствия и без того неизбежного кризиса самой формации.

Вообще же пример с попытками изучения Даргома показателен в том смысле, насколько важно, чтобы археологи умели ориентироваться в вопросах естествознания и по натуре с самого начала отличать, является представлявший перед ними объект делом рук человеческих или своим появлением он в основном обязан факторам природного порядка. Из всего же сказанного явствует, что для дискуссии о времени прорытия самаркандского Даргома и вообще об его искусственном происхождении никаких конкретных оснований нет³⁷.

В заключение напомним, что уже в 30-х годах нашего столетия Д. Д. Букиннич делал попытку разрешить в единоличном порядке подобные вопросы, касавшиеся лишь ташкентского Бозсу. В конечном счете это оказалось непосильным даже ему, сочетавшему в себе знания географа Туркестана, ирригатора, агронома и археолога, хотя в ряде случаев он консультировался со мной как археологом-историком и с Ю. А. Скворцовым как геологом-четвертичником. Мы даже выезжали с ним на некоторые участки Бозсу³⁸.

Успешное решение многих вопросов геологического прошлого Даргома и всей последующей истории системы выведенных из него каналов, возможно, как уже отмечалось, лишь на основе комплексного изучения их коллективом специалистов различного профиля.

М. Е. Массон.

³⁷ Уже по завершению текста данного очерка мой ученик археолог Ю. Ф. Буряков дал возможность ознакомиться с его небольшой заметкой, опубликованной в 1974 г. в самаркандской газете «Ленинский путь», № 98, под заглавием «Сколько лет Даргому». Не без влияния, по-видимому, моих лекций по исторической топографии Самарканда и без упоминания о В. Томашеке, впервые опубликовавшем в 1877 г. свое мнение о том, что самаркандский Даргом — это река, автор убежденно высказал правильное суждение о его естественном в основе русле, которое людской труд постепенно превратил в канал. Однако не все четыре приведенных Ю. Ф. Буряковым обоснования убедительны. Судя по рельефу местности, у Даргома в древности не могло быть правобережного притока. Обнаруженные же на территории, позднее занятой Самаркандом, следы погребенного русла с кремневыми орудиями на берегу могли, вернее, принадлежать ложу одного из второстепенных блуждающих протоков, входивших в естественную систему Даргома. Громадный же канал, следы которого были вскрыты раскопками на Регистане ниже его урвня со склонами в двух местах керамической утвари III—II вв. до н. э., не мог явиться «основой свинцового канала» Арзиса, подававшего воду самотеком на городище Афрасиаба. По данным нивелировки 1903 г., произведенной инженером-ирригатором Н. П. Петровским, для подъема воды на высоту указанного городища «голова» Арзиса должна была быть расположена по крайней мере на 1 версту южнее Регистана, на участке которого он тек уже не ниже уровня последнего, а по искусственной дамбе. Неудачной редакцией следует объяснить признание «римским ученым» знаменитого греческого геометра, физика и астронома II в. н. э. Клавдия Птолемея.

³⁸ Д. Д. Букиннич. Новые данные для истории канала Бозсу, Социалистическая наука и техника, Ташкент, 1937, № 6, стр. 67—73.

Ўзбекистонда ижтимоий Фанлар

11
1979

Общественные науки в Узбекистане

М. Е. МАССОН

К ИССЛЕДОВАНИЮ ТАК НАЗЫВАЕМОГО МАВЗОЛЕЯ ИСОМАИЛА САМАНИ В БУХАРЕ

После присоединения Туркестана к России здесь эпизодически осуществлялись работы по частичным ремонтам отдельных старинных архитектурных памятников. Взятие же их на государственный учет и охрану было осуществлено лишь при Советской власти, причем в первые же годы сложения нашего государства. Поддержание и реставрация памятников сопровождаются с тех пор их научным изучением. Примером тому может служить бухарский мавзолей, вошедший в литературу как усыпальница саманидского эмира Исмаила, сына Ахмеда.

Изучению этого памятника посвящено уже свыше тридцати публикаций. Завершаются они недавно вышедшей монографией доктора архитектуры М. С. Булатова¹. В ней с наибольшей полнотой затронуты общая историко-архитектурная характеристика, генезис архитектурных форм памятника и его архитектурные пропорции. В разделе же, касающемся того, кому принадлежит памятник, и его датировки, сказалась недостаточная разработка этих вопросов предшествующими специалистами, особенно по исторической археологии.

Последним для поры досоветского периода полезно обращаться к местным дореволюционным периодическим печатным органам, издававшимся на русском и узбекском языках. В частности, это относится к газете «Туркестанские ведомости», выходившей с 28 апреля 1870 г. до 15 декабря 1917 г.² Будучи таким же официальным административным органом, как «Правительственный вестник», издававшийся в Петербурге для всей России, «Туркестанские ведомости» с момента своего возникновения ставили попутной целью изучение Туркестанского края во всех отношениях. На этой почве вокруг редакции группировались и задавали тон многие видные специалисты-краеведы. Среди них были такие знатоки края, как Н. В. Дмитриевский, Н. С. Лыкошин, С. А. Лапин, Н. Г. Маллицкий, В. Н. Наливкин, Н. П. Остроумов, Н. Ф. Петровский, Е. Т. Смирнов и ряд других членов Туркестанского кружка любителей археологии и Туркестанского отдела Русского географического общества.

Освещая в нескольких номерах деятельность командированного из Петербурга Академией наук в 1895, 1896 и 1897 гг. классного художника

¹ Булатов М. Мавзолей Саманидов — жемчужина архитектуры Средней Азии. Ташкент, 1976, 128 с.

² Роспись помещенных в «Туркестанских ведомостях» статей и заметок по среднеазиатской археологии и истории была составлена в 1924 г. крупным ташкентским библиографом Е. К. Бетгером и опубликована в сборнике «عقد الحیان В. В. Бартольд» (Ташкент, 1927, с. 481—531).

Н. Н. Щербина-Крамаренко, редактор газеты С. А. Геппенер в № 84 за 1897 г., в разделе «Мелкие известия», поместил следующую заметку:

«Н. Н. Щербина-Крамаренко, столь много и успешно работавший на поприще изучения туркестанских древних памятников, 19 ноября покинул Ташкент, направляясь в Бухару для подробного ознакомления с мавзолеем Исмaила Самани (этому памятнику около 1000 лет), отсюда он проедет в древний Мерв, а затем в Петербург»³.

Таким образом, не правы те авторы, которые следуют не совсем точно опубликованному в 1939 г. тексту труда Б. П. Денике⁴ и по словам которых получается, якобы-впервые этот памятник стал известен в XX столетии благодаря упоминанию иностранным автором О. Олуфсен-ом в его работе, опубликованной в Лондоне в 1911 г.⁵ На самом деле о мавзолее Исмaила Самани русские туркестанские краеведы знали уже в конце XIX в. В Бухаре же определенная группа тамошнего мусульманского духовенства, эксплуатировавшая этот памятник в своекорыстных целях, по-видимому, в силу ряда соображений старалась не популяризировать его среди приезжих туристов и авторов разного рода путеводителей.

Что касается исторической топографии прилежащей к «мавзолею Исмaила Самани» территории, то она после осуществления при Советской власти перепланировки г. Бухары вошла в состав городского парка культуры и отдыха. Ранее в этом районе было расположено скромных размеров кладбище, бывшее при Саманидах династическим. Оно находилось в северо-западной части Бухары, вне стены прежнего хисара, у дороги, ведущей к воротам городской стены рабада, именовавшимся в средние века Хадшарун. Вместе с тем кладбище лежало на левом берегу бывшего русла протока Руди-зер или, как пишет Истахри, самой реки Согда, т. е. Зарафшана. Позднее этот проток, менявший с течением времени кое-где свое направление, превратился в главный городской арык Шахруд. Участок с могилами был окружен забором и имел вход с восточной стороны.

Кладбище это не называлось «Науканда», как об этом пишут некоторые современные авторы. Этот термин появился в результате не совсем правильного истолкования слов текста Наршахи о правившем немногим более шести лет сыне Исмaила Самани эмире Ахмеде. Когда он был убит гулямами в Феребре (= Фарабе) 21 января 914 г. (11 джумади II 301 г. х.), труп его привезли в Бухару и поместили в «Гурхана науканда» (گورخانه بوکنده) т. е. во вновь выкопанной могиле с боковой нишей. Кладбище же обозначалось терминами «гуристан», «гурджой» или «гурджа» (گورستان, گورجای, گورجای).

В XVI в., а возможно и раньше, кладбище Саманидов фигурировало под названием «Чехар-гумбезан», т. е. имеющее четыре купольных здания, вероятнее всего мавзолеев, если не считать, что купольной

³ Эта заметка нашла отражение в упомянутом указателе Е. К. Бетгера в виде заключенного в скобки примечания к № 83 «Туркестанских ведомостей» за 1897 г. (где подробно говорится об обследованных Н. Н. Щербина-Крамаренко за три года архитектурных памятниках Туркестана). См. «Поправки в МИ № 84», с. 497.

⁴ Денике Б. П. Архитектурный орнамент Средней Азии. М.—Л., 1939, с. 7.

⁵ Olufsen O. The Emir of Bokhara and his Country. London, 1911, p. 400, 412. Сам памятник автор именует просто старой гробницей (old sepulchralchamber).

могла быть и одна кладбищенская мечеть. Само это наименование в конце существования мангытского эмирата было еще известно любителям старины из числа коренных горожан Бухары, хотя в натуре тогда существовал только один саманидский мавзолей. Когда-то между Чехар-гумбезан и лежащим к северу от него кладбищем около Чашма хазрет Аюб (библейский пророк Иов) располагались слободки, позднее превратившиеся в кварталы Кафшгаран и Симдузан.

Относительно времени сооружения рассматриваемого памятника, помимо упомянутого выше определения, данного в XIX столетии ташкентскими краеведами («около 1000 лет»), в опубликованной литературе не встречается значительный разнобой.

В. В. Бартольд, осматривавший это здание в 1920 г., осторожно писал: «Мавзолей, в котором, по преданию, похоронен умерший в 907 году Исмаила Самани, пришел к заключению, что этот памятник был действительно относится к более ранней эпохе, чем большой минарет (521 г. х.—1177 г. н. э.)»⁶. Б. П. Денике в 1927 г. считал, что, «если этот памятник действительно мавзолей над могилой Исмаила Саманида, как гласит местное предание, то время основания его должно быть отнесено к саманидской эпохе, т. е. к X веку, а по стилистическим признакам (отнюдь) не к XI или XII столетиям»⁷. В том же году бухарский специалист-востоковед М. Ю. Саиджанов на основании изучавшегося им рукописного вакуфного документа, имевшего отношение к мавзолею Исмаила Самани, пришел к заключению, что этот памятник был возведен при жизни упомянутого эмира для захоронения в нем его отца Ахмеда и датируется IX в.⁸ Такую же датировку счел вполне возможной в 1929 г. и И. И. Умняков⁹. В 1931 г., учитывая, кроме всего сказанного заключение В. Л. Вяткина, что когда хоронили эмира Исмаила, мавзолей был заполнен другими погребениями, Б. Н. Засыпкин признавал с достаточной степенью уверенности, что датировка этого памятника «как будто бы IX в. устанавливается бесспорно», хотя он еще в 1926 г. датировку X в. ставил с вопросительным знаком¹⁰.

В результате всех приведенных высказываний В. А. Шишкин пришел к более конкретизированному хронологически, но путанному выводу, якобы здание этого памятника «построено было еще при жизни самого Исмаила (умершего в 907 г.) для погребения его отца (sic!—М. М.) Насра б. Ахмеда (876—892), т. е. между 892 и 907 гг.»¹¹ Автор при этом допустил явное противоречие, поскольку упомянутый им Наср был старшим братом Исмаила, а отцом того являлся Ахмед. При всем том, судя по приводимым датам, В. А. Шишкин считал, что ныне существующий в Бухаре саманидский мавзолей построен Исмаилом именно для своего брата.

1937 год принес сенсационное открытие. Во время ремонтно-реставрационных работ при наружной расчистке восточного фасада над аркой

⁶ Бартольд В. В. Отчет о командировке в Туркестан (в 1920 г.). Соч., т. IV, М., 1966, с. 256.

⁷ Денике Б. П. Искусство Средней Азии. М., 1927, с. 11—12.

⁸ Саиджанов М. Ю. Город Бухара и его старые здания. — «Ма'аруф ва уқутғучи». Ташкент, 1927, № 9—10, с. 53—54.

⁹ Умняков И. И. Архитектурные памятники Средней Азии. Исследования. Ремонт. Реставрация. 1920—1928. Ташкент, 1929, с. 17.

¹⁰ Засыпкин Б. Н. Памятники монументального искусства Советского Востока. — В сб. «Художественная культура Советского Востока», М.—Л., 1931, с. 88; его же. Памятники архитектуры в Средней Азии и их реставрация. — В сб. «Вопросы реставрации», М., 1926, с. 142.

¹¹ Шишкин В. А. Архитектурные памятники Бухары. Ташкент, 1936, с. 32.

входа в мавзолей была обнаружена тщательно заштукатуренная и прикрепленная железными гвоздями к перемычке проема во всю его длину крупная арчевая доска с вырезанной на ней арабской надписью, выполненной куфическим почерком. В обрыве надписи В. И. Беляев разобрал имя — «Наср, сын Ахмеда, сына Исмаила». Этот внук Исмаила Самани правил с 301 по 331 г. х. (914—943).

На этот новый факт Б. П. Денике отреагировал категорическим заключением, что «так называемый мавзолей Исмаила Саманида, правильное — мавзолей Саманидов — был построен в первой половине X в.; похоронены же в нем, как показали данные произведенных раскопок, несколько лиц»¹². Не без влияния этого, Б. Н. Засыпкин, ранее считавший, как мы видели, сооружение мавзолея в IX в. «бесспорным», через 17 лет стал полагать более осторожным отнесение его постройки к концу IX в. или началу X в.¹³ Совершенно новую точку зрения высказал в 1956 г. (попутно в примечании к одной из своих работ) В. А. Нильсен — что данный памятник не мог быть возведен ранее второй половины X столетия¹⁴. Тем не менее в широкий научный обиход с 60-х годов довольно прочно вошла датировка мавзолея IX—X вв.¹⁵

Новый, более развернутый взгляд на историю мавзолея высказал в 1976 г. в указанной выше монографии М. С. Булатов. Он нашел возможным утверждать, что в рассматриваемой усыпальнице захоронены Исмаил, его сын Ахмед, внук Наср II (не считая других возможных потомков Саманидов), а само здание построено в конце IX в., более точно — «после 888 года, когда Исмаил стал полновластным правителем Мавераннахра»¹⁶.

Лицам, которым предстоит в дальнейшем заниматься историей так называемого «мавзолея Исмаила Самани», придется критически отнестись к ряду данных, содержащихся в дошедшем до нас письменном юридическом источнике, который касается пожертвованного этому памятнику неотчуждаемого и освобожденного от всяких налогов имущества. Доходы с него должны были поступать в пользу группы лиц из мусульманского духовенства, обслуживавших этот памятник. Я имею в виду вакуфный документ, которым в свое время занимался М. Ю. Саиджанов. Нельзя не учитывать опыта рассмотрения старых местных вакуфных документов русской администрацией с первых лет присоединения Туркестана к России, особенно той части дел, которые были связаны с территориями бывшей Самаркандской области Туркестанского генерал-губернаторства. Ими в Самарканде в самом начале занималась комиссия под наблюдением ориенталиста А. Л. Куна. Позднее все дела, касающиеся вакуфов, перешли в существовавшее при Областном правлении поземельно-податное отделение. Им много лет руководил мой дядя Г. Н. Усов, сосланный в 70-х годах в Туркестан по делу известного путешественника Г. И. Потанина, обвинявшегося в заговоре об отделении Сибири от России. При этом же поземельно-податном отделении рабо-

¹² Денике Б. П. Архитектурный орнамент..., с. 8.

¹³ Засыпкин Б. Н. Архитектура Средней Азии древних и средних веков. М., 1948, с. 38.

¹⁴ Нильсен В. А. Монументальная архитектура Бухарского оазиса XI—XII вв. Ташкент, 1956, с. 133. Примечание.

¹⁵ Ремпель Л. И. Архитектурный орнамент Узбекистана. Ташкент, 1961, с. 148 (см. также с. 579); Ремпель Л. И. и Пугаченкова Г. А. История искусств Узбекистана с древнейших времен до середины девятнадцатого века. М., 1965, с. 124 и др.

¹⁶ Булатов М. Указ. соч., с. 13.

так секретарем В. Л. Вяткин, бывший до того учителем так называемых «русско-туземных школ».

В процессе работы над поздними копиями вакуфных документов, подлинники которых считались утраченными за время смутных лет общего в Средней Азии кризиса XVIII в., выявилось большое количество допущенных в их текстах путаниц и заведомых злоупотреблений. В составлении фальшивых сведений участвовали как корыстно заинтересованные лица мусульманского духовенства, так и казии, очевидно, не без соответствующего вознаграждения прикладывавшие к сомнительным документам свои печати. В текстах некоторых подобных «копий» вакфнаме наличествовали порой факты, свидетельствовавшие о неграмотности их авторов в части истории эпохи составления самих подлинников.

Это же усматривается в содержании поздней рукописной копии вакуфного документа «мавзолея Исмaи́ла». Его подлинник якобы саманидского времени был составлен «9 шавваля 254 г. х.» (=1 октября 868 г. н. э.). Дата эта приходится на пору правления последнего предстателя династии Тахиридов Мухаммеда, сына Тахира II (248—259 гг. х.=862—873 гг. н. э.). Саманиды уже раньше были призваны к власти, но только в качестве правителей части Мавераннахра (без Бухары) с подчинением наместникам Хорасана. Имевший на то инвестицию халифов Асад, сын Самана (предка династии, принявшего ислам и основавшего в Балхской области селение Саман, которое послужило своим названием для прозвища «Саманиды»), и его сын Ахмед проживали больше в Фергане. Там же Ахмед, сын Асада, построил город Насрабад, названный по имени его старшего сына Насра, хотя последний после смерти отца, с 864/5 г. до конца его жизни, столицей Саманидов был сделан Самарканд. В Фергане же в семье Ахмеда родился в 849 г. второй по старшинству его сын Исмaи́л.

Указание в бухарской копии рассматриваемого документа, будто Исмaи́л в 254 г. х. пожертвовал земли в пользу мазара своего отца, скончавшегося за четыре года до того, совершенно невероятно. Во-первых, в год смерти отца Исмaи́лу было лишь чуть больше 15 лет, а потому юридически он являлся в гражданском отношении несовершеннолетним. Во-вторых, впервые в районе Бухары Исмaи́л появился только летом 260 г. х., куда был послан из Самарканда братом Насром, когда в процессе междоусобной борьбы город переходил в руки разных захватчиков, а под конец был занят хорезмским правителем Хусейном, сыном Тахира ат-Таи. Перед заключением мира по договоренности с ним в первую пятницу рамазана 260 г. х. (25 июня 874 г.) в бухарской соборной мечети была прочитана хутба на имя Насра, сына Ахмеда, который по распоряжению Хусейна был признан заместителем правителя города при Исмaи́ле. Некоторое время спустя, в том же рамазане, Исмaи́л вступил в город и, нарушив договоренность, полностью присоединил Бухару к владениям Саманидов.

Рассматриваемая копия якобы утраченного и восстановленного саманидского вакфнаме, как отмечено в ней, несколько раз дополнялась при Шейбанидах, в XVI в. На это указывают некоторые встречающиеся в рукописи даты (в том числе по существу основная, с упоминанием месяца и дня — 8 мухarrama 976 г. х., т. е. 3 июля 1568 г.), которые приходятся на время правления Искандера, сына Джанибека (968—991 г. х.=1560—1583 гг. н. э.). Очевидно, в эту пору для некоторых представителей мусульманского духовенства сложилась благоприятная обстановка в смысле эксплуатации в личных интересах освященной

ими могилы светского правителя, коим был эмир Исмал Самани. За прошедшие со дня его смерти свыше шести с половиной столетий первоначальный вакуфный документ на мазар Исмала легко мог быть утраченным в одну из кризисных для Туркестана эпох. При восстановлении якобы копии саманидского вакфнаме в связи с не раз изменявшимися за многовековой промежуток времени правами на владение тем или иным имуществом в XVI в. было, вероятно, рискованно упоминать некоторых лиц, ставших уже вполне законными собственниками бывших вакуфных владений. При всем том нельзя ожидать от авторов восстановленной копии утраченного документа абсолютно точных исторических знаний о сообщаемых ими по памяти или преданиям событиях и лицах IX—X вв.

Больше внимания и доверия заслуживает давно вошедшее в обиход и долго продержавшееся самое название «Чехар-гумбезан». Очевидно, на небольшом династическом кладбище какое-то время существовали четыре купольных саманидских здания. Во-первых,— мавзолеем Ахмеда, сына Асада, останки которого могли быть привезены из Ферганы в Бухару и преданы погребению в специально сооруженном купольном здании по указанию его второго сына — Исмала в пору могущества последнего. Другой мавзолей, безусловно, был возведен для Исмала и, возможно, сооружен даже им самим в конце его жизни. В этой усыпальнице его могиле было уготовано, конечно же, самое парадное место, в центре или ближе к стене, лежащей против входа. Третий мавзолей отстроили для его внука Насра, неожиданно погибшего в молодом возрасте от рук убийц-гулямов в Феребре, а после доставки трупа в Бухару сперва преданного погребению во временно выкопанной обычной могиле с боковой нишей.

Дошедшая до нас приготовленная для этого памятника крупная арчевая доска с его полным именем интересна, кстати, тем, что такого рода надписи употреблялись на среднеазиатских архитектурных памятниках еще около середины X в. Позднее, во всяком случае в конце этого столетия, подобные деревянные доски с эпитафиями заменялись уже надписями, вырезанными по алебастру узорчатым куфическим почерком с клиновидными наверхиями вертикалей букв. Это мы видим на мавзолее бухарского селения Тим, открытом в 1959 г. Н. И. Леоновым, считавшим его памятником XI в.¹⁷

По переданной им мне фотографии этого объекта я прочитал внизу левого пилона дату — 367 г. х. (19 августа 977 — 8 августа 978 г. н. э.). 12 шаввала 366 г. х. (13 июня 976 г. н. э.) скончался Саманид Мансур I, сын Нуха I, и на престол вступил его 13-летний сын Абу-л Касим Нух II, за которого в первое время правила мать, а с конца 977 г. (раби II 367 г. х.) — везир Абдаллах, сын Ахмеда Утби. На эту пору и приходится сооружение тимского мавзолея.¹⁸

О четвертом купольном здании на кладбище Чехар гумбезан пока можно высказывать лишь разноречивые предположения.

¹⁷ Леонов Н. И. Мавзолей в Тиме. — «Правда Востока», 1960 г., 5 января.

¹⁸ Массон М. Е. Ранний архитектурный памятник (Разбор на мавзолее в селении Тим даты 367 г. х.). — «Правда Востока», 1960 г., 5 февраля. В 1975 г. в Тиме побывал мой ученик Б. Д. Кочнев. На протяжении часа он вглядывался в сильно поврежденные временем остатки надписи выше прочитанной мной на фотографии даты. В конце концов им не без труда было восстановлено имя Саманида Нуха, сына Мансура, при котором было завершено сооружение тимского мавзолея в месяце раби I приведенного мной года, т. е. во второй половине октября — первой половине ноября 977 г. См.: Кочнев Б. Д. Изучение эпиграфических памятников Самаркандской области. — «Археологические открытия 1975 года», М., 1976, с. 528—529.

В июне 1926 г. как консультант по музееведению и по охране памятников я был командирован Средазкомстарисом в Бухару для оказания помощи тогдашнему назигу просвещения Бухарской народной республики М. Ю. Саиджанову в решении ряда вопросов археологического порядка и связанных с исследованиями некоторых архитектурных памятников. При посещении так называемого мавзолея Исмаила Самани меня поразило, что сагана последнего—позднего типа, более крупная, чем все остальные такие же надгробные сооружения, заполнявшие внутренность помещения,—расположена не только не на парадном месте, но позади других и примкнута словно случайно, сбоку от самого входа, в юго-восточном углу памятника.

У этой саганы, кроме того, были сделаны с двух сторон необычные для надгробников подобного типа отверстия. Как мне разъяснили, прежде в одно из них верующие подавали разные письменные просьбы, обращенные к покойному Исмаилу, считавшемуся как бы святым патроном Бухары. По прошествии нескольких дней из другого отверстия, в противоположном конце саганы, обслуживавшим мавзолей лицом извлекался соответствующий письменный ответ, якобы данный самим Исмаилом. Это удостоверялось наложенным на бумагу оттиском печати, в тексте которого упоминалось его имя. Подробность ответа зависела от мзды, заранее вручавшейся просителями шейху.

Начатые Бухарстарисом с 1925 г. ремонтно-реставрационные работы на «мавзолее Исмаила» на первых порах были связаны с предохранением памятника от попадания в него через крышу атмосферных осадков. Когда в следующем году наметилось производство наружных земляных работ со снятием с трех сторон верхнего кладбищенского культурного слоя на расстоянии до двух сажен от памятника (поскольку более поздние могилы закрывали его чуть ли ни на треть высоты стен), для наблюдения за этим в конце лета был приглашен из Самарканда В. Л. Вяткин. Попутно он осуществил внутри юго-восточного угла мавзолея, около приписываемой Исмаилу могилы, небольшой раскоп, которым были обнаружены остатки деревянного гроба, сколоченного железными гвоздями¹⁹.

В публикациях почему-то не отмечается, что при этом под современным полом, в рыхлом слое около гроба, был встречен резной декоративный кирпич темно-синей поливы от облицовки какого-то угла здания или саганы, случайно попавший туда с землей, которой некогда засыпали могильную яму, вырытую для помещения в ней гроба. Кирпич этот, как мне казалось в 30-х годах, был изготовлен не ранее XIII в. Он тогда же поступил на хранение в Бухарский краеведческий музей, где демонстрировался в постоянной экспозиции.

Историко-археологический подход к уцелевшему в Бухаре архитектурному памятнику явно саманидского периода позволяет, правда пока без уточнения времени, понять отдельные моменты в его длительном существовании при караханидах, каракитаях, хорезмшахах, монголах, тимуридах, шейбанидах, аштарханидах и мангытах. Всем им был «чужд» комплекс Чехар гумбезан из-за его в основном династического характера. Отдельные мавзолеи от времени, при отсутствии должного поддержания приходили в состояние постепенного разрушения. Когда это привело к катастрофическому моменту в смысле сохранности усы-

¹⁹ В 1927 и 1928 гг. В. Л. Вяткин не производил на мавзолее никаких других археологических раскопок, как это утверждается в цитированной выше монографии М. С. Булатова (с. 13).

пальницы Насра II, сына Ахмеда, опекавшее кладбище духовенство добилось перенесения могилы этого внука Исмаила в дошедший до нас мавзолей, а над входом в него прибили снятую с нее деревянную доску с именем покойного. Постепенно мавзолей оказался почти целиком заполненным другими погребениями. Когда же в руины стало превращаться и первоначальное купольное здание усыпальницы самого Исмаила, то при переносе его гроба в лучше сохранившийся изучаемый нами мавзолей для могилы этого саманидского эмира свободным осталось уже лишь место позади всех других погребений, сбоку от входа, в юго-восточном углу памятника. Поскольку тут оказался при вторичном погребении наиболее видный из всех Саманидов, могила которого как патрона Бухары выгодно эксплуатировалась духовенством, то во избежание нежелательных кривотолков наглухо заштукатурили над входной дверью прибитую ранее доску с мавзолея Насра II.

Перед советской исторической наукой стоит задача дальнейшего изучения сохранившегося уникального мавзолея бывшего архитектурного комплекса Чехар-гумбезан на несуществующем теперь кладбище. При этом в части сравнительного архитектурного анализа обязательно привлечение открытого уже 20 лет назад в бухарском селении Тим точно датированного саманидским временем (последняя четверть X в.) мавзолея, упоминания которого незаслуженно нет в опубликованной в 1976 г. монографии о «мавзолее Исмаила Самани». В целях устранения некоторых высказанных противоречивых домыслов по истории этого памятника, в частности о его датировке, важно осуществить комплексное археолого-стратиграфическое исследование внутри самого здания с применением всех современных методов. К этому должны быть привлечены археолог, архитектор, антрополог и историк, владеющий восточными письменными источниками.

М. Е. Массон

**БУХОРОДАГИ ИСМОИЛ СОМОНИИ ДЕБ ГУМОН ҚИЛИНАЕТГАН
МАҚБАРА ТАДҚИҚОТИГА ДОИР**

Мақолада ўрта аср архитектурасининг ноёб ёдгорлиги — Бухородаги Сомониёлар мақбарасини ўрганиш билан боғлиқ қатор қизиқ саволлар қўйилган.

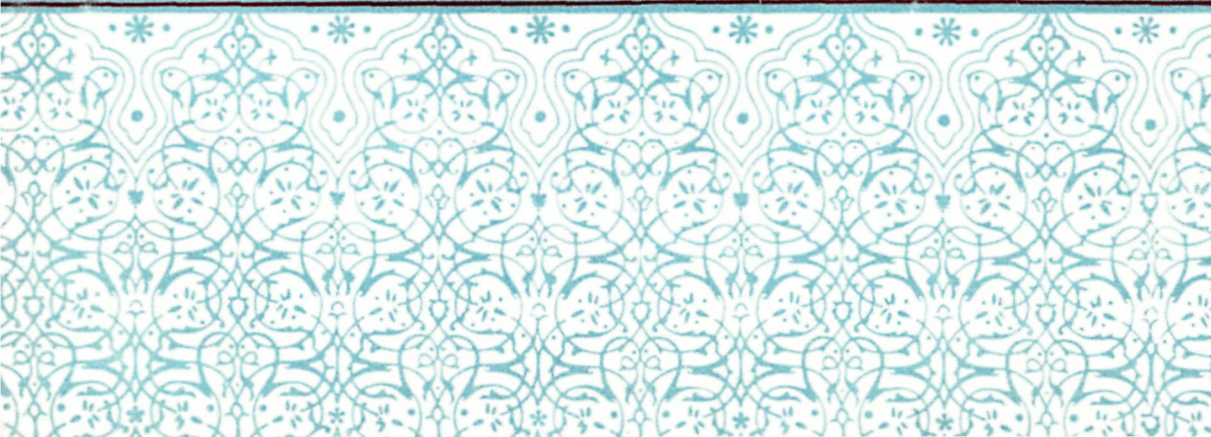
ЎЗБЕКИСТОНДА ИЖТИМОЙ ФАНЛАР

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ В УЗБЕКИСТАНЕ

1980

1

НЕКОТОРЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ АЛЕКСАНДРЕ МАКЕДОНСКОМ, БЫТОВАВШИЕ У НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Александр Македонский еще в начале XX в. был одним из популярнейших персонажей народных притч и легенд, бытовавших у всех коренных национальностей Средней Азии. В местном произношении имя его звучало как «Искандер», изредка с добавлением «руми» (اسکندر رومی — Александр румеец, т. е. грек). Наиболее распространенным было его арабское прозвище «Зу-л-Карнайн» (ذو القرنين), а по-узбекски — «Икки-шахлик», т. е. «двурогий».

В далеком прошлом это прозвище вообще было символом божественной мощи. Вот почему, в частности, на древней стеле, найденной в Сузах, с двумя рогами изображен Карам-син. Иудеи считали «двурогим» персидского царя Кира. В странах ислама это прозвище было унаследовано от греков и сирийских христиан, у которых оно являлось отзвуком культа египетского бога Аммона, изображавшегося иногда с рогатой головой барана. При жизни Александр сам избрал его покровителем своей царской власти, в связи с чем на лицевых сторонах некоторых его монет профиль головы македонского государя вычеканен с изображением рога. У мусульман «двурогим» титуловали иногда четвертого арабского халифа Али, а также йеменского правителя ал-Музинн ал-Акбара и южноарабского — Тубба-ал-Акрен. Но чаще всего так именовали на Востоке Александра Македонского.

Как признавало подавляющее большинство бывших толкователей Корана из числа мусульманских богословов и как убедительно доказал еще в конце прошлого столетия Нельдеке¹, упоминаемый в XVIII суре Корана (ст. 82) Зу-л-Карнайн — не кто иной как Александр Македонский. Это обстоятельство, по словам Е. Э. Бертельса, имело громадное значение для дальнейшей судьбы легенды об Александре на Востоке в смысле появления в мусульманском мире большого количества литературных произведений и устных притч об этом македонском царе². Всех поражали его необычные походы, но их историческая сущность, разгром греческих городов, разграбление покоренных стран, сопровождавшееся уничтожением многих культурных ценностей, с течением времени на Востоке оказались забытыми. Уже с VI в., т. е. с последнего периода правления династии Сасанидов, сказания об Александре, слагавшиеся в восточных странах на протяжении многих столетий вплоть до XVIII в., изображают этого македонского царя как идеального правителя, к тому же наделенного сверхъестественными возможностями. Этому способствовала отчасти необычность прозвища «двурогий», вызывавшего самые разнообразные толкования. Между прочим, в прошлом столетии в среде некоторых казахов господствовало представление, будто Искандер потому именовался Зу-л-Карнайн, что на своем головном уборе он носил изображение двурогой луны.

Одним из показателей широкой популярности Александра Македонского может служить немалое количество встречающихся до сих пор в среднеазиатских республиках топонимических терминов, как Искандер-кала (в приложении к руинам древних крепостей), Искандер-мунара, Искандер-купрюк или Пул-и-Искандер, Искандер-арык (для обозначения старинных, неизвестно кем созданных минаретов, мостов, арыков) и т. п.³

С разрушительной деятельностью Александра Македонского за время завоевания им Средней Азии связано содержание лишь немногих легенд. В частности, к ним принадлежит истолкование происхождения названия горного озера Искандер-куль, в верховьях Фандарьи, левого притока Зарафшана. Бытующее среди таджиков предание повествует, что македонский царь, раздраженный упорным сопротивлением тамошних жителей, приказал своему войску возвести огромную плотину у истока Зарафшана, а когда уровень воды поднялся на значительную высоту, велел разрушить запруду. В результате бурный поток опустошил нынешнюю долину Искандер-дарьи и тем самым вынудил ее жителей к покорности.

¹ Noldeke Th. Beiträge zur Geschichte des Alexander romans.—«Denkschriften der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften in Wien. Philosophisch-historische Klasse», Bd. 38, Abh. 5, S. 27, 32.

² Бертельс Е. Э. Роман об Александре и его главные версии на Востоке.— Избранные труды «Навон и Джамии», М., 1965, с. 290.

³ Не следует думать, что все теперешние топонимические названия с упоминанием имени «Искандер» обязательно связываются населением с деятельностью Александра Македонского. Примером тому может служить наименование того «Искандер-арыка», который пронесит воду вдоль правобережья Чирчика: он получил это название по прихоти сосланного в Ташкент великого князя Н. К. Романова.

Значительно больше местных легенд об Александре отражают его мнимую созидательную деятельность, как якобы идеального правителя, проявлявшего внимание к хозяйственным нуждам покоренного населения. Например, в конце прошлого столетия, когда на Кафирнигане, примерно в 5,5 км от впадения его в Амударью, еще сохранялись остатки старинного моста, окрестные жители, приписывая его сооружение Александру, называли этот мост Пул-и-Искандер, или Искандер-пуль⁴.

Около ста лет назад среди проживавшего по среднему течению Амударьи бухарского населения прочно удерживалось представление, что первый капитальный мост через эту реку был сооружен Александром Македонским около Термеза, где тогда якобы правил местный царь Куштасаб. Искандер Зу-л-Карнайн, взяв Термез после долгой осады силами одного из отрядов своих воинов, умертвил Куштасаба, а для переброски оставшихся на левом берегу Амударьи основных сил огромной греко-македонской армии приказал соорудить большой мост из жженных кирпичей. Покидая Мавераннахр для похода на Индию, Александр будто бы оставил в Термезе небольшой гарнизон. Его начальник, как только услышал через несколько лет о смерти своего государя, объявил себя самостоятельным и некоторое время владел Термезским районом как независимый правитель. Мост через Амударью, строившийся специально для военных нужд, не поддерживался, почему и был разрушен бурными паводками, а его остатками якобы являются проступающие над поверхностью воды кое-где в русле реки к югу от развалин древней термезской цитадели отдельные участки кладки из жженных кирпичей⁵.

Некоторые древние среднеазиатские мосты, хотя и не именуются Пул-и-Искандер, но их сооружение часто связывается местными легендами с походами этого македонского государя. Так, о старом кирпичном мосте, бывшем на реке Герируд (=Теджен) и именовавшемся Пул-и-хатун (=«Мост женщины»), в конце прошлого века тамошнее население рассказывало, что поблизости, на левом берегу, в давние времена в своем замке проживала некая красавица-царица. Когда она услышала о приближении македонской армии, то из желания особо почтить Александра приказала построить через Теджен мост. По нему Александр со своим войском без поддержки перешел на правый берег и двинулся в глубь Средней Азии. Устоя были сделаны так прочно, что мост функционировал еще в XIX столетии, но имя царицы к тому времени оказалось забытым⁶.

В конце прошлого столетия коренные жители убежденно утверждали, что инициатором первой попытки оросить так называемую «Голодную степь» являлся именно Александр Македонский. В качестве доказательства указывали на тамошнее заброшенное русло древнего канала, которое было известно у них под названием Искандер-арык.

Многие старики из оседлого населения Средней Азии связывали ряд местных обжитых пунктов со временем прохождения через них отрядов македонской армии. Так полагали, например, еще в начале XX в. жители города Ширабада. По-видимому, явления подобного порядка можно считать отголосками далекого средневековья.

В этом отношении заслуживает внимания сообщение, заключенное в труде «Украсшение созвездий» (زين الاخبار), составленном в середине XI века Абу

Са'ид Абд-ал-Хайя Гардизи. Оно появилось, безусловно, под влиянием упоминания в романе об Александре его мнимого похода из Семиречья в Китай и оттуда в Индию. Из приведенных Гардизи подробностей явствует, что проживавшее на юго-восточном берегу озера Иссык-Куль население считало себя потомками взятых Искандером Зу-л-Карнайном в свою армию в качестве заложников уроженцев Фарса. Их он оставил тут без права вернуться на родину, и они якобы построили здесь город Парсхан (т. е. «Повелитель Фарса») ⁷.

⁴ Тимаев К. (А.). Вниманию археологов. — «Туркестанский курьер», Ташкент, 1911, № 16.

⁵ Жуков Ф. Н. Верхнее течение Амударьи. — «Туркестанские ведомости», Ташкент, 1880, № 17. Как установлено нами в 1936 г. в ходе работ Термезской археологической комплексной экспедиции, эти остатки кладок из жженных кирпичей в русле реки принадлежат не мосту, а одновременно возводившимся дамбам для предохранения от размыва крепостных стен южного фаса бывшей термезской цитадели.

⁶ Логофет Д. Н. Путь из Асхабада к Герату (1882). — «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии», вып. VI, СПб., 1883, с. 37; его же. На границах Средней Азии. Кн. I. «Персидская граница», СПб., 1884, с. 33 (старинный мост Пул-и-хатун был перестроен русским военным ведомством в 1889 г. — М. М.).

⁷ Текст и перевод соответствующего места из труда Гардизи см.: Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью 1893—1894 гг. — «Записки Академии наук», VIII. Серия по историко-филологическому отделению, Т. I, № 1, СПб., 1897, с. 89 и 113.

Еще в начале нашего столетия старики гальча в верховьях Зарафшана считали, что их предками были воины Искандера Зу-л-Карнайна. Пожилые же ташкентцы утверждали о кратковременном пребывании на территории их города самого Александра. По одной из местных легенд, он с помощью своего друга архангела Раффила однажды спустился в подземное царство к дающему вечность источнику «Живой воды». Александр выкупался в нем, напился чудотворной воды и, зачерпнув немного ее в сосуд, вышел с ним на поверхность земли там, где до сих пор стоит на бывшем Шейхантаурском кладбище мавзолей Шейха Хаведи Тахур. Здесь он якобы пролил по неосторожности несколько капель воды, и там, где они упали на землю, выросли крупные деревья саур-арчи. В двадцатых годах нашего столетия их древние, в большинстве своем давно засохшие, стволы чистом около полусотни группировались отчасти около упомянутого мазара. Большинство же стояло вдоль ведущей к нему под углом дорожки от самого входа на огороженную забором территорию кладбища. Стволы этих сауров признавались священными. Шейхи утверждали, что они окончательно погибнут только в день «страшного суда»⁸.

Ряд поколений коренных местных жителей считали Искандера Зу-л-Карнайна основателем нескольких городов, в частности таких крупных ферганских населенных пунктов, как Ош и Старый Маргилан, хотя македонский царь со своей армией в Фергане вообще никогда не был. Между тем пожилые жители Старого Маргилана самое название своего города связывали с поднесением в нем Александру особого национального угощения, состоявшего из кур и хлеба (مرغ و نان). Это крепко

врезалось в память завоевателя, но впоследствии, забыв подлинное старое название города, сам Александр якобы произносил слова «мург» и «нон», которые в разговорной речи превратились в «Маргилан».

Старики считали, что македонский царь даже умер в Старом Маргилане и был там похоронен. А так как Искандер Зу-л-Карнайн многими тамошними мусульманами признавался святым, то его святость распространялась ими и на город. Здание мазара Искандер-паши и сейчас показывают при въезде в Маргилан с северной стороны. На самом деле оно позднейшего происхождения и в нем похоронен правитель одного из владений горной Бухары, носивший имя Искандер. В пристройке к этому мазару я видел в 1939 г. на штукатурке дату 1134 г. х. (1721/2 г. н. э.).

Некоторые бывшие независимыми от Бухарского ханства правители — миры ряда областей по верхнему течению Амударьи (например, Бадахшан и Дарваза) выдавали себя с XIII до XIX столетия за потомков Искандера Зу-л-Карнайна. В доказательство они демонстрировали якобы перешедшие к ним по наследству от этого «прародителя» древние серебряные предметы греческого и греко-бактрийского происхождения из местных археологических находок. В дарвазском Калаихуме, кроме того, еще недавно показывали разбитый бухарцами на куски каменный трон бызских миров и два огромных каменных хума, якобы высеченных руками духов-девов по повелению Александра Македонского. Любопытно высказывавшиеся в прошлом притязания некоторых групп населения, если не на прямое родство с этим государем, то хотя бы на свойство с ним. Так, среди туркмен эрсари прочно держалось еще в начале нынешнего столетия предание, будто Искандер Зу-л-Карнайн взял себе в жены девушку из их племени и якобы даже это была известная в истории красавица Роксана, что не соответствует истине.

Некоторые фантастические эпизоды из жизни Александра Македонского при общности основного сюжета не только широко распространены на Востоке, но получили у разных народов специфические варианты. К таковым относится, например, сюжет о судьбах цирюльников, которые при бритье македонского царя видели у него на голове рога. Пользовавшихся его парикмахеров Искандер Зу-л-Карнайн уничтожал, чтобы они не разгласили его тайны⁹.

В Средней Азии уже в прошлом столетии был известен кавказский вариант этой легенды, возможно занесенный когда-то из Ирана. По нему, молодой цирюльник, увидевший при бритье роговые отростки на голове Искандера, умолил царя со-

⁸ Массон М. Е. Прошлое Ташкента. Археолого-топографический и историко-архитектурный очерк. — «Известия Академии наук УзССР», Ташкент, 1954, № 2, с. 117—128.

⁹ Отдаленно основа этого сюжета восходит к эллинистическому мифу о фригийском царе Мидасе, который предпочел игру на свирели бездарного Марсия божественной игре самого Аполлона. За это последний наградил Мидаса ослиными ушами, которые тот тщательно прятал под головной повязкой. Придворные скрывали эту тайну, боясь за ее разглашение лишиться жизни. Один из них, однако, не выдержал и прокричал об этом в безлюдной степи над окруженным тростником источником. Некоторое время спустя проходивший мимо со своим стадом пастух сделал из срезанного у источника тростника свирель, и та неожиданно выдала тайну, огласив во всеуслышанье фразу: «У царя Мидаса ослиные уши».

хранить ему жизнь, дав слово никому не говорить об этом. С годами сдерживать это обещание ему становилось все труднее. По совету одного почтенного старца, юноша, чтобы успокоиться, отыскал старый высохший колодец и, наклонившись над ним, трижды произнес: «У царя Искандера есть рога на голове». После этого он действительно испытал облегчение. Из выросшего в следующую весну у колодца тростника пастух, пасший по соседству овец, сделал дудочку, а она насвистывала только слова, что у царя Искандера есть рога на голове.

Однажды, проезжая на охоту со своей свитой мимо того колодца, Александр Македонский вдруг услышал, что пастух насвистывает на дудочке злополучную фразу. Поскольку эти же слова стали вылетать из дудки, в которую по приказу царя дул его везир, царь отпустил пастуха, а, вернувшись к себе, потребовал объяснения у цирюльника. Тот чистосердечно признался во всем. Тогда Искандер Зу-л-Карнайин сказал: «Нет тайны, которая не стала бы явной. Иди — ты свободен»¹⁰.

Иной вариант этого сюжета был записан в конце прошлого столетия со слов «киргиза» Кадыра Калдырбая в Голодной степи, близ почтовой станции Мурзарабат. По этой казахской легенде, Зу-л-Карнайин от рождения имел на голове рог, который тщательно скрывал высоким шлемом, так как ему было предсказано, что, если кто-нибудь его увидит и срубит, то царь сделается бессильным и перестанет побеждать врагов. Опасаясь этого, Искандер собственной рукой убивал цирюльников, которые стригли ему волосы. Однажды, когда очередной цирюльник закончил стрижку, царь спросил, видел ли он рог на его голове. Тот, помня участь своих предшественников, заподозрил в этом вопросе что-то неладное и трижды заверил: «Нет, царь, я не видел у тебя рога». Тогда царь отпустил его, предупредив, что, если цирюльник увидит у него рог, то смерть постигнет не только его, но и весь род.

Напуганный цирюльник много лет хранил тайну, но, наконец, не выдержал, пошел в степь к глубокому колодцу с росшим кругом камышом и, наклонившись над его отверстием, прокричал: «У Искандера Зу-л-Карнайина на голове рог, а кто его срубит, тот сделает царя бессильным». Эти слова камыш, пошатываясь от ветра, разнес по степи, и один из врагов царя, подкравшись к нему, срубил рог. Искандер стал слабым и уже не мог ездить сам, а его возили на войну полководцы. Цирюльника же со всем его родом казнили.

Однажды Искандер добрался до далеких гор на краю свега, где набрал из тамошнего родника два бурдючка чудесной «живой воды». Кто ее пьет, тот живет вечно. При возвращении в свое царство Искандер тяжело захворал. На его войско тем временем напала стая хищных воронов, поклевала оба бурдюка с «живой водой», и та вся вытекла на землю. Царь же, у которого не осталось ни капли чудодейственной воды, вскоре умер¹¹.

Совершенно по-иному звучал один из вариантов той же легенды у таджиков. Его записал, будучи еще юношей, этнограф М. С. Андреев в середине 90-х годов в Ходженте (ныне Ленинабад). Согласно этому варианту, молва о неминуемой гибели того, кто хоть раз стриг и брил Искандера Зу-л-Карнайина, была широко распространена среди населения. Когда очередь идти к царю дошла до молодого цирюльника, горячо любящая его мать прибегла к хитрости и замесила тесто на молоке из своей груди. Изготовив из этого теста небольшую анетитную лепешку, она посоветовала ему прежде чем приступить к исполнению своих обязанностей, преподложить Искандеру ее отведать. Царь охотно съел вкусную лепешку. Когда же цирюльник окончил его бритье, Александр заявил ему, что теперь тот должен умереть, как сподобившийся узнать некую тайну. На это цирюльник заявил, что грешно убивать своего молочного брата. Удивленный Искандер с недоумением спросил, на чем основывается их родство. Цирюльник поведал, что съеденная македонским царем лепешка была изготовлена на молоке его матери. Изумленный ее находчивостью Искандер Зу-л-Карнайин отпустил цирюльника со строгим наказом не разглашать его тайну¹².

В памяти народной сохранились и другие притчи об Александре Македонском. Большая часть их — философско-нравоучительного характера. К сожалению, они слишком мало затронуты в работах специалистов по среднеазиатскому фольклору¹³.

¹⁰ Подробное изложение этой кавказской легенды, перепечатанное из газеты «Каспий», см. «Московские ведомости», 1893 г., 18 сентября, № 257.

¹¹ Эварницкий Д. И. Путеводитель по Средней Азии от Баку до Ташкента в археологическом и историческом отношении. Ташкент, 1893, с. 143—145.

¹² Остроумов Н. П. Искандер Зу-л-Карнайин. Отдельный оттиск из журнала «Среднеазиатский вестник». Ташкент, 1896, сентябрь, с. 11, прим. 1.

¹³ Уместно отметить, что даже в таком капитальном обобщающем труде Института этнографии АН СССР, как «Народы Средней Азии и Казахстана» (т. I, М., 1962, серия «Народы мира. Этнографические очерки». Под ред. С. П. Толстова), в разделах о фольклоре узбеков (с. 358—362), каракалпков (с. 510—513), таджиков (с. 637—640), вовсе не упомянуто само имя Искандера Зу-л-Карнайина.

В качестве примера могу привести три притчи, слышанные мной летом и осенью 1918 г. от стариков-таджиков в окрестностях Самарканда.

По одной из них, более трех тысяч лет назад по земле бродил дикий сказочный осел с одним глазом на лбу и злоеюще звеневшими бубенцами на шее. Где бы он ни появлялся, он всюду приносил бедствия и смерть. Справиться с ним никто не мог. Когда же Искандер Зу-л-Карнайн совершил подвиг, заперев в горах народы гог и магог, люди обратились к нему за помощью. Тот победил чудовищного одноглазого осла, загнал его в глубокую яму и заложил выход из нее кирпичами до «страшного суда». С тех пор осел каждый день пытается выбраться из ямы, почти добирается до верха, но, услышав призыв к утреннему намазу, падает в изнеможении вниз. В день «страшного суда» одноглазый осел выйдет наружу, будет ходить по всей земле и звенеть своими бубенцами. Все люди, оставшиеся к тому времени в живых, будут толпой неудержимо плестись за ним и умирать с голоду.

В кишлаке Кизылкурган бывшей Ходжаахрарской волости один старик рассказывал, что, когда Искандер Зу-л-Карнайн завоевал все крупные страны земли, он решил подчинить себе и подводный мир. Посреди моря установили огромную стеклянную трубу, по которой он спустился на дно. Там Искандер увидел такие чудеса, которые ни один смертный не должен даже лицезреть, а не только покорить. Убедившись воочию, что завоевать подводный мир ему не под силу, Искандер поднялся наверх, подавленный тем, что дальше идти ему некуда. Корабль его взял курс на Рум, но, не доехав до родины, Искандер умер от тоски.

Притчу о повторности явлений в историческом процессе мне пришлось услышать от двух пожилых таджиков на старинном, уже тогда полузаброшенном кладбище Мардаулия бывшего Багишамальского района Ходжаахрарской волости. Оно было расположено неподалеку от развалин, в которых на основании разбавшихся на моих глазах жженных кирпичей и встречавшихся там фрагментов глазурованной керамики конца XIV—XV в. заманчиво было видеть руины дворца Тимура при его бывшем саде Багишамаль.

Мои осведомители утверждали, что прошло несколько тысяч лет с тех пор, как на земле правил великий государь Искандер Зу-л-Карнайн, при котором все остальные цари были как бы на положении приказчиков. Владения же его обнимали почти все земли. На смертном одре Искандер объявил свою последнюю волю, чтобы его похоронили в таком месте, где еще не хоронили ни одного человека. Задача оказалась не из легких. По всему великому государству стучали кетмени и лопаты, но как бы глубоко ни врывались они, везде оказывалось, что кто-то уже нашел там свою могилу. А земля говорила: «Здесь покоятся уже семь Искандеров». Тогда верные подданные ушли далеко в горы, пропилили самую громадную дикую скалу и только там нашлось место для погребения Искандера Зу-л-Карнайна.

В районе среднего течения Амударьи тамошнее население считало, будто Александр Македонский был поглощен со всеми его богатствами водами этой реки близ Келифа. Точное же место его гибели неизвестно. По одному ферганскому преданию, македонский царь вместе со своим войском был поглощен колоссальной змеей, спустившейся с горы Ташота по повелению пророка Сулеймана и самого Мухаммеда. Место же гибели указывали в урочище Ишкаван, в 8 км к северо-западу от Оша.

Из народных преданий, бытовавших у коренных жителей Средней Азии, нельзя не почувствовать, что они как бы слагаются в своеобразный восточный жанр «Искандерий». В отличие от европейских повестей об Александре Македонском, в которых преобладает тематика типа рыцарского романа, на Востоке в устных легендах и литературных произведениях преобладают разнообразные философские мысли, представления о мире (разумеется, на средневековом уровне знаний) и поступки, которые должны были характеризовать Искандера как идеального правителя. Сам он порой приравнивается почти к пророкам и даже к мусульманским святым.

Представляется, что эта тема, как и многие иные аспекты среднеазиатской фольклористики, ждет еще своих скрупулезных исследователей.

М. Е. Массон